

Культурно-исторические основы формирования западного и российского социально-политического дискурса

М.Б. Чижевская,

Полтавский университет экономики и торговли

Реальность процессов, объединенных термином «глобализация», становится элементом сознания жителей планеты, выражаясь в чувстве причастности к большой человеческой общности – мировому социуму, эволюционируя из племенных представлений о социальном мире через этнос, античный город до современного понимания гражданства, условно очерченного границами отдельной страны. Сообщества всех масштабов превращаются в участников мирового обмена ресурсами. Современное общество становится сообществом, постепенно интегрирующим мир в одну гигантскую социальную систему¹. Понимание масштаба позволяет исследователю абстрагироваться от выявления закономерностей протекания социальных процессов только в подсистемах, что в дальнейшем создаст основания для общего формального описания мир-системы². Если упустить идею Д. Алигьери о создании всемирной империи человечества³, по своему существу концепция всеобщего правового гражданского общества – государства (*civitas gentium*), предложенная И. Кантом в 1795 г., стала первым исследованием, посвященным разрешению проблемы масштаба в общественных науках. «Только в таком обществе может быть достигнута высшая цель природы: развитие всех ее задатков, заложенных в человечестве; при этом природа желает, чтобы эту цель, как и все другие, предначертанные ему цели, оно само осуществило»⁴. «Стремление к самосохранению – вот главный мотив, которому подчиняется каждый в отдельности и все вместе... В соответствии с разумом в отношениях государств между собой не может быть никакого другого способа выйти из свободного от закона состояния постоянной войны, кроме как отречься подобно отдельным людям от своей дикой (не основанной на законе) свободы, приспособиться к публичным принудительным законам и образовать, таким путем (разумеется, постоянно расширяющееся), государство народов, которое, в конце концов, охватит все народы земли»⁵. Отсюда следует, что процесс,

¹ Луман Н. Формы помощи в процессе изменения общественных условий / Пер. Д. В. Озирченко, А. Н. Малинкина // Социологический журнал. – 2000. – № 1/2. – С. 16 – 35.

² Niklas Luhmann *Gesellschaftsstruktur und Semantik: Studien zur Wissenssoziologie der modernen Gesellschaft I*, Frankfurt: Suhrkamp, 1980.

³ Данте Алигьери. *Монархия*. - М.: «КАНОН-пресс-Ц» – «Кучково поле», 1999. – 192 с.

⁴ Кант И. *Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане*. – М.: // Соч. в 6 т., 1966. Т. 6. – С. 12-13.

⁵ Otfried Höffe (Hg.): *Immanuel Kant, zum ewigen Frieden Berlin*: Akademie Verlag. 2011.

обеспечивающий согласование разнообразных внутренних взаимодействий в каждой по-своему уникальной подсистеме является не чем иным, как стремлением социума к самосохранению через поддержание порядка в системе. Реализация нормативных интересов каждого отдельного человека в социальной системе происходит посредством механизма, концентрирующего интересы общества в отношении жизни индивидумов, составляющих это общество, чем по своей сути и является социальная политика.

Этимология понятия «социум» уходит своими корнями в латинский язык, к существительному «socius» – союзник, попутчик, которое применялось при описании положительного взаимодействия между индивидами. В процессе усложнения жизнедеятельности, медленно наполняясь многообразным смысловым контекстом, союзники постепенно создают сложный узор цивилизованного (гражданского) общества – «societas civilis», скрепленного нитями интересов тянущихся из микромира римских коллегий «collegii societatis».

Определение «социальности» как понятия, идентичного обществу в естественных условиях человеческой жизни, достаточно четко сформулировано у Дж. Локка в «Двух трактатах о правлении» (1690 г.)⁶. Социум и общество тождественны и в работе Ж.- Ж. Руссо «Du Contrat social; ou, Principes du droit politique» (Социальный контракт (договор) или принципы политического права, 1762 г.). По прошествии времени обозначение общества как «социальности» становится регулярным и приобретает рутинный характер, обрастая в процессе использования различными дефинициями и производными толкованиями. Так, например, в 1834 г. П. Леру в статье «De l'individualisme et du socialisme», напечатанной в «Revue Encyclopédique» впервые использует термин «социализм», описывая его как противоположное понятие либеральной доктрине индивидуализма и свободной конкуренции⁷. В русском, украинском, белорусском языках появление «социального» прослеживается в XIX в. путем заимствования из Западной Европы и с самого начала применяется параллельно с пониманием общества (мира) как целостности. До последнего времени на постсоветском пространстве понимание «социального» было достаточно размытым и в основном связывалось с социализмом как способом построения общественных отношений противоположных капитализму.

Еще более сложным и многогранным для индивидуального сознания является понимание политики. Проблема наполнения смыслом, определения всего того, что мы

⁶ Оригинальное написание названия работы выглядит следующим образом – «Two Treatises of Government: In the Former, The False Principles, and Foundation of Sir Robert Filmer, And His Followers, are Detected and Overthrown. The Latter is an Essay concerning The True Original, Extent, and End of Civil Government».

⁷ Encyclopédie nouvelle ou Dictionnaire philosophique, scientifique littéraire et industriel, offrant le tableau des connaissances humaines au dix-neuvième siècle par une société de savants et de littérateurs (1834 – 1841).

обычно называем «политическим», существовала во все исторически обозримые времена, оставаясь актуальной для всех народов и народностей. Общепринято, что восточнославянские языки заимствовали это понятие из французского, где «*politique*» через латинское посредничество восходит к греческому «*polytike*», произведенному от «*polis*» – город, государство. Наиболее ранние научные труды, посвященные политике, находим в древней античности. В «Политике» (Πολιτικά) Аристотеля, интересующее нас понятие обычно трактуется как «то, что о полисе» или в более широком смысле как «философия человеческих дел», где смысл объединения людей объясняется желанием достигнуть наивысшего блага. В «Политиях» (Πολιτεία) предлагается описание общественного устройства 158 этносов (до нашего время сохранилась только Афинская полития), рассматривая последние как сообщества, находящиеся за пределами полиса и не имеющие возможности его составить. Не так однозначно толкуется работа «Πολιτεία», написанная наставником Аристотеля Платоном. Известно, что впервые этот труд появился в Европе через посредство арабских источников, в которых он уже был скомпонован под общим названием «*Republica*» – «Республика». Видимо, по этой же причине к русскоязычному читателю работа попала под названием «Государство». Считается, что из французского (известный письменный источник датируется 1430 г.) понятие «политического» перекочевало в английский, где первоисточник датируется 1520 годом⁸. В современном английском языке образованы от античного «*polis*» три основные смысловые единицы – «*politics, polity, policy*».

«*Politics*» – применяется о, ибо, или в связи с гражданством и представляет собой процесс, посредством которого группы людей принимают коллективные решения. Слово обычно используется по отношению к искусству ведения публичных дел в правительстве, парламенте, местном самоуправлении, распространяясь, в т. ч., на группы специальных интересов – религиозные, академические... Как понятие охватывает все социальные отношения, связанные властью посредством государства.

«*Polity*» – организованное определенным образом общество с атрибутами управления, присущими государственности, государственное устройство, государственно-политическая территориальная единица.

«*Policy*» – процесс принятия и планирования альтернативных решений, правил, способов взаимодействия – обычно в организациях с целью достижения рационального результата в обозримом периоде. Может также рассматриваться как заявление о намерениях.

В восточнославянской группе языков подобной дифференциации вышеуказанного

⁸ Liberman A. A. *Bibliography of English Etymology: Sources and Word List*. University of Minnesota Press. 2009. 974 p.

понятия не существует, его применение в процессе языковой деятельности ставится в зависимость от контекста смысловой нагрузки в каждой отдельной ситуации. Однако в словообразованиях широко используется приставка «поли», которая указывает на множество или большое количество чего-либо или крайнюю степень проявления какого-либо признака. В пределах нашего исследования особенно интересно проследить метаморфозы превращения понятия «police, polizei, policia» в западном варианте как олицетворение государства-общества, призванного уменьшить разногласия в гражданских делах и понятия «полиция» в восточнославянской языковой группе как системы государственных служб и органов, созданной для охраны общественного порядка. Однако без предварительного изучения социальных процессов, приведших к современному пониманию «государственности», какие-либо выводы, касающиеся обозначенной выше проблемы, будут фрагментарными. Если сформулировать вопрос с позиции исторической динамики, получается что нам необходимо изучить процесс превращения античного полиса-государства и протекающих в нем политических взаимоотношений в современное государство с его сложной политической системой. Такой подход, возможно, облегчит и разъяснение затруднений, возникших в связи с толкованием ранее упомянутой работы Платона под названием (в русском переводе) «Государство».

В английском и большинстве европейских языках русскому слову «государство» соответствует слово «state» (stato – по итальянски, estado – на испанском, état – по-французски, Staat – на немецком языке). В конечном счете эти языковые единицы являются производными от латинского слова «status», что означает «состояние» или «статус»⁹. В украинском, белорусском, болгарском, боснийском, македонском, сербском, словенском, хорватском языках используются различные дефиниции, производные от слова «держава». В польском языке русскому «государству» соответствует слово «państwo», что по звучанию идентично для лексической единицы «панство» и соответствует смысловой нагрузке, указывающей на количество людей обладающих определенным статусом.

Х. Арндт считает, что слово «state» (государство) в европейских языках в виде отдельного понятия оформилось только на рубеже XV-го и XVI-го веков для описания формы новой политической организации, выросшей из Ренессанса. Ее точка зрения основывается на том, что в античном и древнеримском праве отсутствовала специфическая правовая фикция – юридическое лицо, без наличия которой невозможно построить современную концепцию понимания государства. Поэтому, наряду с другими дошедшими до нас документами, цитату «Qui est rei publicae status?», взятую из работы Марка Тулия

⁹ Liberman A. A. Bibliography of English Etymology: Sources and Word List. University of Minnesota Press. 2009. 974 p.

Цицерона «De re publica» следует толковать «Каково положение в обществе?». Следовательно «status rei publicae» – совокупность отдельных статусов независимых равноправных граждан, взаимодействующих в определенном порядке, т. е. форма правления, тогда словосочетание «res publica» будет обозначать «общественное дело». Одновременно, достойные индивиды «civis» – граждане, под эгидой договора, имеющего силу закона для всего общества – «concilium coetusque hominum jure sociati», выступают особым социальным телом – civitas, которое и есть прообразом государства¹⁰. По своей сущности еще не являются государствами ни Священная Римская империя, ни Византийская империя, ни другие европейские королевства, состоящие из бесчисленного множества практически самостоятельных городов, вотчин и корпораций, вместе с тем, однако, уже имеющие всеохватывающую мировоззренческую подоплеку. Согласно Н. Лумана, в целях обоснования господства, социального расслоения и индивидуальности возникают генерализованные нормативные представления, сведенные воедино в космически-религиозной морали. Оппозиционное когда-то, рожденное бедной и угнетенной периферией, по сути народное миропонимание становится выгодным для общества в целом. Культурные и политические взаимосвязи приобретают универсальный характер, обусловленный сакральным пониманием действительности, в том числе и происхождения статуса Святого Престола. В этом мире, обозначенном как «res publica christiana» он был представителем высшей власти гармонично устроенной высшим Разумом, пославшим людям священный закон справедливости, которым без сомнений должно руководствоваться все общество. Эта своеобразная монополия на универсальное знание является кардинальным отличием второй Римской империи от первой и тем более от античного мира. Помимо всех других социальных интересов, в том числе и хозяйственных, общественный дискурс из «res politicae» смещается в сакральную сферу – «res ecclesiasticae»¹¹. Сюда же вместе с мотивами для объединения и сотрудничества смещаются и всевозможные конфликты. Например, в своей речи на Лионском соборе, созванном в 1245 г. с целью низвержения императора Фридриха II папа Иннокентий IV, решая вопрос о том, можно ли отлучить от церкви корпорацию, заявил, что всякое отлучение распространяется только на душу и совесть. Следовательно, это действие невозможно совершить с отвлеченными понятиями (nomen intellectuale) и правовыми наименованиями (nomina sunt juris), у которых нет ни души, ни совести, ни воли, ни сознания¹². Существование своеобразной духовной монополии в естественном порядке замкнула значительную часть материальных потоков в обществе на церковную иерархию, что в свою

¹⁰ Hannah Arendt. The Human Condition Chicago: University of Chicago Press, 1958.

¹¹ Луман Н. Формы помощи в процессе изменения общественных условий / Пер. Д. В. Озирченко, А. Н. Малинкина // Социологический журнал. – 2000. – № 1/2. – С. 16 – 35.

¹² Wetterau, Bruce. World history. New York: Henry Holt and company. 1994.

очередь способствовало ее бурному росту. Сложившаяся ситуация вызвала постепенно нарастающие дискуссии о неправомерности накопления богатств церковными институтами, как дела недостойного для духовной сферы и являющегося прерогативой общества и светской власти. Следует отметить, что проблема сосуществования светской и церковной власти как в контексте первичности происхождения, соответственно соподчинения, так и в контексте происхождения права индивидов на свободу и общественный контроль последних подробно рассматривается многими философами и богословами того далекого времени. Особенно часто описывается разразившийся в 1075 г. конфликт между папой Григорием VII и императором Генрихом IV^{13 14}. Таким образом, в пределах сакральной сферы в качестве оппозиции к Католической Церкви выступают как претенденты на региональную власть, так и всевозможные теологические течения несогласных, которые условно возможно объединить понятием протестантизма. Идеалом новых духовных организаций служит возвращение к апостольскому христианству. По своей сути реформация выражается в замене иерархической субординации сетевой координацией – прихожане возвращают себе равновеликий статус и возможность выбирать духовных лидеров. Одновременно первые известные нам протестанты – Джон Уиклиф и Ян Гус переводят библейские тексты на тогда еще народные английский и чешский языки. Немалая роль в разрушении духовной монополии принадлежит и целому ряду изобретений в полиграфическом деле, повлекшее за собой распространение грамотности. Чтение книг и проповеди о народном источнике верховной власти в церкви на всем понятном языке стимулировало участие в новых организациях разномастной публики. Попытки сохранения духовной монополии приводят к масштабному вооруженному конфликту, повлекшему за собой массовый голод и эпидемии, что затронуло интересы представителей всех сословий. Постепенно возникают легитимные, внутри каждого отдельного сообщества, региональные варианты христианства, совпадающие с лингвистическими и культурными ареалами, что позволяет говорить об окончательном оформлении такой категории как «нация», из которой медленно вырастают национальные государства. Распределенный во времени распад «*res publica christiana*» сопровождается радикальным изменением в понимании всего того, что имеет отношение к устройству политической жизни. Некогда объединяющая миссия вырождалась в бесплодную унификацию. Н. Макиавелли описал сложившуюся ситуацию следующим образом: «Невозможно представить большего свидетельства упадка религии, нежели указание на то, что народ, находящийся ближе всех к Римской церкви, являющейся главой нашей религии, наименее религиозен. Тот, кто рассмотрит основы нашей религии и

¹³ Данте Алигьери. Монархия. М.: «КАНОН-пресс-Ц» – «Кучково поле», 1999. – 192 с.

¹⁴ F. Daguet, article dans le Bulletin Thomiste, n°1 de l'année 2007: principes d'anthropologie politique chez saint Thomas d'Aquin et première leçon du commentaire de la politique d'Aristote.

посмотрит, насколько отличны ее нынешние обычаи от стародавних, первоначальных, придет к выводу, что она, несомненно, близка либо к своей гибели, либо к мучительным испытаниям. Укоренившись в Италии и присвоив себе светскую власть, Римская церковь не оказалась ни столь сильной, ни столь доблестной, чтобы суметь установить собственную тиранию надо всей Италией и сделаться ее государем»¹⁵.

Столкнувшись с конкурентной перспективой повышения своих статусов, элита общества прилагает интеллектуальные усилия по созданию новых концепций, позволяющих укрепить существование в новых реалиях. В процессе переговоров между противоборствующими сторонами¹⁶ выводится принцип «*cuius regio, eius religio*» (Чья власть, того и вера), что является не только фактическим одобрением существования региональных вариантов христианства, но и бессрочным закреплением перехода все еще сакральной власти к индивидам, ранее получавшим ее лишь посредством Святого престола. Новая протестантская концепция выступает своеобразным скрепляющим составом для новых независимых монархий. В ее основе лежит модернизация идеи двух царств: Бог одинаково равно правит духовным (*regnum Christi*) и земным (*regnum civile*). Люди, выполняя свои мирские или профессиональные обязанности, осуществляют Богом данное призвание. Все законные профессии угодны Богу. Достигается консенсус и в отношении лиц несогласных с новым вариантом регионального христианства. Им разрешается свободно покинуть территорию королевства, что по существу можно считать зарождением современной концепции свободы совести. С другой стороны, все еще необходима идея, позволяющая сосредоточить в одном центре полномочия, находящиеся в руках многих отдельных лиц, городов и корпораций. В результате изыскания трансформируются в два совершенно обыденных для нас понятия: суверенитет и национальный или государственный интерес.

Этимология слова «суверенитет» восходит от латинского «*superanus*», или «*suprema potestas*», что означает «высшая власть» к французскому «*soveranite*» и обязана своим происхождением античной концепции *басилевсов*. Аристотель в своей «Политике» дал определение *басилевсу* как правителю, избранному народом или принятым народом добровольно, в отличие от правителя – тирана силой захватившего власть. Аристотель считает, что должность *басилевса* имеет очень древнее происхождение, и была унаследована афинянами в мифологические времена. Как отдельное понятие, характеризующее пределы высшей власти короля, термин «*souverain*» (суверен) в 1282 г. применяет Ф. де Бомануар. Средневековый юрист создал сборник из обычаев (*coutume*), которые сложились к этому

¹⁵ Макиавелли, Никколо. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / Сочинения исторические и политические [Текст]: [сборник: перевод с итальянского] / Никколо Макьявелли. – Москва: АСТ, 2009. – 819 с.

¹⁶ Аугсбургский мир 1555 года.

времени в северо-восточной части Франции – провинции Бовези, и соответственно объединенные под названием «Кутюмы Бовези» (Coustumes de Beauvoisis). В сборник собраны нормы, регулирующие различные общественные отношения. Его появление объясняется тем, что предпринимаемые Людовиком IX меры, направленные на централизацию власти, требовали унификации правовых норм на подвластной ему северной территории, где в отличие от южных областей Франции, подвергшихся существенному влиянию Римской империи не получило широкое развитие писаное право. Де Бомануар посвящает проблеме суверенитета отдельную статью, в которой разъясняется, что кроме наивысшего суверена – короля, в пределах своей территории суверенами могут выступать и другие особы – бароны, графы, герцоги¹⁷. Существует и более умеренная точка зрения. В соответствии с ней понятие суверенитета впервые было обосновано лишь в 1576 г. французским юристом Ж. Боденом в трактате «Les six livres de la Republique». Работа известна русскоязычному читателю под названием «Шесть книг о государстве». Именно из этого произведения цитируется классическое определение суверенитета как абсолютной и незыблемой власти монарха в обществе¹⁸.

Концепция национального или государственного интереса восходит к латинскому словосочетанию «ratio status» – «соотношение состояний». Его дословный перевод и толкование в современной интерпретации имеет множество вариантов. В свое время популярность понятия была настоль велика, что вызвала к жизни рождение «национальных» аналогов. Во французском варианте это «raison d'État», немецком – «Staatsräson», итальянском – «ragione di stato». В английской версии это «national interest», что полностью соответствует современной концепции «национального интереса». Вышеуказанному понятию посвящен внушительный ряд работ. Из них наиболее известна книга Дж. Ботеро «Della ragion di Stato», вышедшая в свет на итальянском языке в 1589 г. Обычно ее название переводят как «Государственная мудрость» или «Государственный разум». В результате такой интерпретации появляется возможность использовать особый, соответствующий сегодняшним реалиям контекст, который как нельзя лучше возможно проиллюстрировать словами М. Фуко. «Государство управляется по свойственным ему рациональным законам, которые не выводятся только из естественных и божественных законов, как и из одних лишь заповедей мудрости и благоразумия; государство, как и природа, обладает собственной рациональностью, даже если это рациональность особого типа»¹⁹. Однако такое

¹⁷ Кутюмы Бовези. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы – пер. Э.И. Лисохиной. – М.: Гос. изд. юр. лит., 1961.

¹⁸ Сергунин А. А. Суверенитет: эволюция концепта. – М.: ПОЛИТЭКС. 2010. Т.6. №4.

¹⁹ Фуко, Мишель. Безопасность, территория, население: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977 – 1978 учебном году. / пер. с франц. В.Ю. Быстрова и др. – СПб.: Наука, 2011. – 544 с.

представление о «ragione di stato» как понятии комплексном плохо корреспондируется с реалиями того далекого времени – миропониманием автора произведения, в той части, которая касается «государства», и достаточно близко находится к восприятию разумности, выраженной через «рациональность».

Здесь необходимо сказать о существовании еще одной очень важной особенности – разные пути появления лексических единиц (и, конечно же, все то, что называют историческими особенностями развития), связанных с государственностью в «западном» и «восточнославянском» мире до сих пор играют определенную роль в повседневной практике, выражаясь в отношении общества к его «формальной структуре». В русской культуре часто происходит смешение понятия «государство» с политической властью, которая управляет общими делами организованного общества (например: «в этом государстве...» и «государство настаивает на более интенсивном вмешательстве в экономику...»)²⁰. По нашему предположению, интуитивные представления о государстве, например франкоязычного населения не тождественны представлениям русскоговорящего населения. Появление в русском языке слова «государство» прослеживается со времен расширения княжества Московского под предводительством великого князя Ивана III (1462-1505). Выражая властные притязания к «Господину Великому Новгороду и его добровольным людям» великий князь молвил: «Мы, великий князь, хотим государства своего, как есмы на Москве, так хоти быть на отчине своей Великом Новгороде. Вечу колоколу в отчине нашей в Новгороде не быти, посаднику не быти, а государство нам свое держати»²¹. Однако, в данном контексте слово «государство» употребляется как производное от слова «государь». С одной стороны имеющее сакральный смысл, передающийся выражением «Господь Бог», с другой стороны соответствующее прагматическому представлению о роли «головы» в анатомии человека условно перенесенного на устройство общества²². Примером может послужить следующая ситуация. Двоевластие, возникшее в процессе «собирания земель», вынудило «позовников» Новгорода «искать суда» не в родном «господарьстве», а у единоличного главного судьи – «государя» Ивана III. «Жалобщики», домогаясь «милости» в обход сложившихся правил употребляли титул «государь» вместо титула «господин», что указывало на преимущество московского властителя перед новгородскими «господарьством», косвенно свидетельствуя о возникновении новых отношений подчинения. Известно, что вскоре, после падения «Господина Великого Новгорода» Иван III расширил титул и стал именоваться государем

²⁰ Власов В. И. Теория государства и права: учебник для высших юридических учебных заведений и факультетов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. – С. 70-75.

²¹ Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. – 187 с.

²² Barnes, Timothy David. The new empire of Diocletian and Constantine, London, 1982.

великим князем московским²³. Таким образом в русском языке понятие «государственности» включает в себе сакральный смысл и восходит от идеи централизации власти, как общего блага для страны и населяющих ее граждан ниспосланной мудрым и заботливым патроном.

Возвращаясь к «государственной рациональности» М. Фуко необходимо напомнить, что «рациональность интересна для нас по причине существования сразу двух совпадений: схожесть воззрений на нее как в прошлом, так и в настоящем, и существование высокого уровня тождественности, как в западной, так и в восточной языковой среде. Понятие рациональности является важной составляющей современного научного мышления и широко используется в философии, экономике, социологии, политологии, психологии. Понимание рациональности как неотъемлемого качества современного человека, поддающегося усовершенствованию в процессе социализации, является своеобразной аксиомой общественных наук. Чувство рациональности присуще и каждому отдельному человеку, выражаясь уверенностью в способностях упорядочить действительность и организовать будущее. Проиллюстрируем сказанное выражением Б. Рассела: «Я привык думать о себе как о Рационалисте; и Рационалист, я полагаю – тот, кто желает, чтобы люди были разумными»²⁴. В усложняющемся современном мире человеку становится все сложнее принимать рациональные решения. Многие люди предпочитают использовать скорее эвристический анализ, чем строгое применение правил оптимизации из-за сложности ситуации и невозможности вычислить и учесть полезность каждого возможного действия. Поиск оптимального выбора также ограничивается доступностью ресурсов, знаний и информации²⁵.

Концепция рациональности уходит корнями в античность. Основой для перехода «от мифа к логосу», от «магии духа к магии чисел» послужили достижения в области математики – положения планиметрии Гиппарха, постулаты геометрии Евклида, теория соотношения величин Евдокса Книдского и математическая школа Пифагора. В основе вещей лежит число, учил Пифагор, познать мир – значит познать управляющие им числа. Космос – упорядоченное выражение целого ряда первоначальных сущностей. Числа не являются атомами мироздания, из которых состоят все вещи. Вещи не равны числам, а подобны им, основаны на количественных отношениях действительности. Соотношение тел пропорционально, протяженный мир небесных тел подчиняется законам геометрии и математики, человеческое тело прекрасно и устроено по канону Поликлета. Магическая красота закона «золотой пропорции» или «золотого сечения» в дальнейшем волновала умы

²³ Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. – 187 с.

²⁴ Bertrand, Russell. Sceptical Essays. London: George Allen & Unwin Ltd . 1928.

²⁵ Simon, Herbert. A Behavioral Model of Rational Choice, in Models of Man, Social and Rational: Mathematical Essays on Rational Human Behavior in a Social Setting. New York: Wiley. 1957.

человечества на протяжении всей истории от Л. да Винчи до И. Ньютона и наших современников, воплощаясь в разнообразные сферы человеческой деятельности²⁶. В латинском языке в слове «ratio» – «расчет», «соотношение», «причина», иногда «разум», от которого собственно и происходит «rationalitas» – рациональность как лексическая единица, имманентно присутствует математический контекст. Именно этот смысл римляне заложили в название официальной должности казначея империи – «Rationalis», которую впоследствии упразднил император Диоклетиан, печально известный как «автор» наидревнейшего финансового кризиса²⁷. Т. Гоббс описывает существование вышеуказанной взаимосвязи следующим образом: «Римляне называли денежные счета rationes, а операцию счета – ratiocinatio, и то, что мы в долговых расписках и в счетных книгах называем статьями счета, они называли nomina, т.е. именами, и отсюда, кажется, они распространили слово ratio на способность счета во всех других вещах. Греки имеют лишь одно слово logos для речи и разума»²⁸.

Аристотель считал, что обладание рациональностью является отличительной чертой мужчины: человек (существо мужского рода) – «животное рациональное ζῷον λογικόν». Живым существам присущи естественные познавательные способности: язык, зрение, обоняние и в исключительных случаях рациональность. Благодаря тому, что природа наделила мужчину рациональностью, он может быть «политическим животным πολιτικὸν ζῷον»²⁹. Рациональность, наряду с другими природными способностями, такими как сила, ловкость, смелость, в естественном порядке «определяет» мужчину на ответственное место главы семейства. Таким образом, мужчина становится тем необходимым и естественным условием вокруг которого складывается базовая единица общества – «οἶκος дом, домохозяйство, домовладение». Его конструкция в силу своей естественности является нерушимой. По этой же причине, навсегда неизменным остается состояние женщины, которая в силу своих способностей постоянно нуждается в защите и опеке. Значение домохозяйства в представлении древних греков фундаментально. Ему посвящается отдельная наука – «οἰκονομικός экономия», которую наряду с другими дисциплинами, прежде чем стать «равным среди равных», обязан усвоить каждый мужчина. Существование полиса так же естественно, как и существование домохозяйства и обусловлено желанием людей жить вместе. Врожденное неравенство способностей – причина объединения людей, отсюда же различие функций и места в обществе. В самой сути вещей коренится порядок, в

²⁶ Институциональная архитектура и динамика экономических преобразований / Под ред. д-ра экон. наук А.А.Гриценко. – К.: Форт, 2008. – 928 с.

²⁷ Barnes, Timothy David. The new empire of Diocletian and Constantine. London, 1982.

²⁸ Гоббс Т. Левиафан или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1991.

²⁹ R. G. Mulgan. Aristotle's Doctrine That Man Is a Political Animal Hermes.

силу которого уже с момента рождения некоторые существа предназначены к подчинению, другие же – к властвованию. Природой каждого объекта есть то его «*κατάστασις* состояние», какое получается при завершении его развития. Раб рабу, господин господину – рознь. Насколько ремесленный труд стоит выше труда рабского? Ремесленник, занимающийся низким ремеслом, находится в состоянии некоего ограниченного рабства; раб является таковым уже по природе, но ни сапожник, ни какой-либо другой ремесленник не бывают таковыми по природе. Философ рисует статичную картину человеческого общества, в котором индивиды стоят на разных ступенях «социальной лестницы», то есть находятся в определенном положении по отношению друг к другу все вместе и одновременно. Представление о структуре общества как «состоянии» граждан отображается древними юристами в «*Corpus juris civilis*» и посредством рецепции положений римского права сохраняется до наших дней.

Статичная модель общества используется в трудах многих исследователей. Т. Гоббс считал, что естественное состояние (*status naturalis*) индивидов в обществе предшествовало гражданскому состоянию (*status civilis*). При естественном состоянии человек использует собственные силы по своему усмотрению для сохранения собственной природы, т.е. жизни. В гражданском состоянии люди соглашаются отказаться от права на все вещи в той мере, в какой это необходимо в интересах мира и самозащиты, и довольствуются такой степенью свободы по отношению к другим людям, какую они допустили бы у других по отношению к себе. При отсутствии гражданского состояния всегда имеется война всех против всех. По мнению И. Канта, состояние отдельных индивидов в составе народа в отношении друг к другу называется гражданским (*status civilis*), а их совокупность в отношении собственных членов – государством (*civitas*). В силу своей формы как нечто связанное общей заинтересованностью всех в том, чтобы находиться в правовом состоянии, называется содружеством или общностью (*res publica*)³⁰. Томас Гоббс определяет государство как единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем, чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мирного состояния и общей защиты³¹. «Государственная субстанция есть соединение принципа семьи и гражданского состояния» – постулирует в «Философии духа» Г. Гегель³². Существует давнее, распространенное мнение о том, что первый известный для нас источник, в котором слово «государство» (итальянский

³⁰ Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. – М.: // Соч. в 6 т., 1966. Т. 6. - С. 12-13.

³¹ Гоббс Т. Левиафан или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1991.

³² Гегель. Феноменология духа. (Вступ. статья и комментарий Ю.П. Селиванова). – М.: Академический Проект, 2008. – 767 с.

эквивалент «*stato*») соответствует современному английскому слову «*state*» – работы Н. Макиавелли (1469-1527)³³. Однако современные исследователи считают, что как понятие слово «*stato*» не было синонимом ни греческому «полису», ни римской «республике», главным образом потому, что в нем отсутствовала этическая составляющая. Иначе говоря, слово «*stato*», которое мы за неимением лучшего, переводим как «государство», «государственный», скорее в силу более тесной связи с политическим телом, предполагает нечто аналогичное «аппарату власти». Понятие насыщалось содержанием по мере развития самого описываемого объекта – национального государства и все еще не осуществилось в большинстве монархий Европы, хотя термин уже начал жить своей собственной жизнью»³⁴. Известно, что основой для развития новой цивилизации, общим достоянием культуры народов Запады служили три основных достижения римской цивилизации – латинский язык, римские публичные институты, римское право. По нашему мнению, статичная модель общества – представление о структуре общества как «состоянии» граждан, что почти полностью соответствует современному правовому термину «гражданское состояние» с той лишь разницей, что применяется он по отношению к каждому отдельному равноправному гражданину, развивалась именно в русле юридической науки, как рецепция положений римского права. Организация централизованной системы властных отношений требовала усложнения структуры правосудия, что, в свою очередь, вызвало необходимость унификации законодательства, базирующегося на разрозненных положениях городского права и обычаев. Иерархическое построение подчиненности судебных институций территориально отодвигало конечную инстанцию, принимающую решения за пределы населенных пунктов. Существующая идентификация лиц путем «межличностного признания» во многих случаях вызвала серьезные затруднения для вынесения компетентных судебных решений. Проблемы, создаваемые отсутствием письменных документов, подтверждающих гражданское состояние всех участников судебного процесса, наряду с повсеместным использованием в гражданском обороте «прозвищ», требовали немедленного решения. В 1589 г. король Франции Франциск I издает один из первых официальных документов, в котором четыре статьи посвящены урегулированию правового положения граждан. Согласно сакральной концепции епископа Ланского Адельберона о христианском устройстве общества «*christiana status*» отныне в королевстве закрепляются три состояния: духовенство – заботится о духовном здоровье прихожан, рыцарство его охраняет, и

³³ Dowdall H. C. The Word "State" // Law Quarterly Review. 1923, № 39. P. 98-125.

³⁴ Алексеева Т. А. «Государственная разумность» (*raison d'etat*) в политической мысли раннего Модерна. Материалы международной научной конференции «Политика в текстах – тексты в политике: наука истории идей и учений» (к 40-летию кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова), 28-29 октября 2011 года. Часть первая. Доклады. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 320 с..

оставшееся население занято остальными мирскими делами. Каждый остается на своем месте в земной иерархии, куда поместил его Бог, иерархия же – образ небесной иерархии: *Distinctus disponitur ordo supernus, Cuius ad exemplar terrenus fertur haberi* (Основа небесного порядка – неравенство, а земной, как сказано, создан по подобию небесного). Помимо этого ордонанс Вилле-Котре (*Ordonnance de Villers-Cotterêts*) обязал всех подданных при составлении официальных документов использовать вместо латинского языка французский³⁵. Статичная модель христианского мира – состояние мира «*status mundi*» – одна из основных тем сакрального дискурса. Например, по учению И. Флорского, или Калабрийского (1130-1202), изложенному в его работе «Согласование Ветхого и Нового заветов» история человечества есть проявление божественного откровения. С каждым лицом святой троицы связана особая ступень откровения, которой соответствует определенное состояние мира. «Первое состояние мира прошло в рабском служении «*servitus status*», второе – в сыновнем послушании «*servitus filialis status*», и третье состояние «*tertius status in plena spiritus libertate*» – будущее, которое заключается в обретении человеком свободы духа и освобождении от мирских забот. Первое есть состояние рабов, второе – сыновей, третье – друзей». Концепция И. Флорского находилась в резком противоречии с официальной церковной доктриной. С ее опровержением выступил величайший авторитет того времени Ф. Аквинский (1225 - 1274), и она была последовательно осуждена тремя церковными соборами³⁶. Однако, по мнению Ж. Д'Аламбера возникновение дифференциации общества на три состояния обусловлено предшествующими событиями. Автор считал, что феодальные общественные отношения во многом являются парадоксальным результатом переноса на местное население традиций «военной демократии» германских племен, вторгшихся в Римскую империю. «В ходе завоеваний народы сохранили нравы, обычаи и склонности родины, ибо ни один народ не меняет быстро образа мыслей и действий. Армии, уходившие из их перенаселенных областей, не были армиями наемников. Это были соучастники предпринятого похода. Объединения под командой вождей являлись отдельными армиями какого-либо похода, и все подчинялись главному вождю – военачальнику, избранному с общего согласия из числа вождей отрядов; одним словом, это была союзническая армия. Строй общества требовал, чтобы собственность на завоеванную область принадлежала всему составу союзников и чтобы каждый имел долю в том, что он помог завоевать»³⁷. По мнению Л. Моргана в таких профессиональных войсковых сообществах традиции «военной

³⁵ Флори Жан. Идеология меча. Предистория рыцарства Пер. с фр. М. Некрасова. СПб.Изд. Евразия, 1999. – 314 с.

³⁶ Семенов Ю.И. Философия истории. Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. - М.: Современные тетради. 2003. – 776 с.

³⁷ История в Энциклопедии Дидро и д'Аламбера. Перевод и примечания Н.В.Ревуненковой. Под общей редакцией А.Д.Люблинской. – Л.: Наука, 1978.

демократии» имманентно обусловлены потестарными отношениями, которые характеризуются идеологией доблести и отваги, основанной на состязательности, многоуровневом ранжировании достижений посредством интуитивно понятной для всех членов воинского коллектива прагматической оценки физических, моральных и интеллектуальных качеств индивида. Полноправными членами коллектива считались только взрослые и здоровые мужчины, обученные обращению с оружием. Мужчина, не овладевший всем комплексом навыков, необходимых для ведения войны, считался «изгоем» и не обладал правом голоса. В разное время военная демократия существовала практически у всех народов. У древних германцев избрание вождя сопровождалось множеством воинских ритуалов, в силу чего носило ярко выраженный идеологический характер. Голосование осуществлялось посредством согласованных выкриков и поднятием оружия в правой руке – аккламацией и завершалось поднятием вождя на щите. По прошествии времени традиция сохранилась – процедура избрания королей Франкского королевства и Германской империи во многом была идентичной³⁸. Считается, что с течением времени у франков такие собрания трансформировались в т.н. мартовские поля «champ de mai», у германцев и скандинавов – в тинги (сканд. ting, исл. þing, нем. Tag – Tag), у англосаксов в витенагемот «witenagemot». Что будет совершенно справедливым по отношению к дальнейшей специализации по «военной линии», зарождению аристократии и юридических институтов – основа для второго состояния. Перерождение военной демократии в городскую – гражданский путь развития обусловлен возникновением городских поселений и специализации в ремесленных и торговых промыслах, что, в свою очередь, послужило основой для возникновения обычного права и третьего состояния. Именно «коммунальная революция» (X – XIII вв.) способствовала окончательному оформлению концепции трех состояний средневекового общества. В конце XII века соперничество за власть между королем Франции Филиппом IV и папой Бонифацием VIII переросло в масштабный конфликт. Его апогеем стал запрет на вывоз за пределы Франции золотых и серебряных монет. Дабы предать легитимность королевским решениям, помимо постоянно действующего Королевского совета «Conseil du roi» 10 апреля 1302 г. созывается принципиально новая институция, в которой уже представлены все три состояния. Ее название недвусмысленно отражает окончательно оформившуюся статичную модель общества – Генеральные состояния (штаты) «États généraux». Представление о структуре общества как состоянии граждан было достаточно устойчивым и распространенным по всей европейской территории, о чем красноречиво свидетельствуют официальные наименования сословных собраний: Estates of Scotland или

³⁸ Морган Л. Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. – Л.: Наука, 1933.

Thrie Estaitis – Шотландия, 1326 г.; Ståndsriksdagen – Швеция, 1435 г.; Staten-Generaal – Нидерланды (Герцогство Бургундия), 1464 г. Н. Лазаревский считал, что в Российской Империи концепция трех состояний заимствована из европейского законодательства Екатериной II в 1785 г. и в основном отражена в жалованной грамоте дворянству и грамоте на права и выгоды городов. В 1832 г. российские юристы, систематизируя разрозненное законодательство, создали Свод законов Российской империи. 9 том издания так и называется – «Законы о состояниях». Однако, полисемическая природа слова «состояние» обусловила более частое употребление не только в ежедневном языковом, но и в научном обороте, лексической единицы «сословия». Н. Лазаревский доказывал, что употребление слова «состояние» было бы точнее: «Понятие сословие по терминологии действующего законодательства весьма неопределенно. В нашем законодательстве этому понятию соответствует термин состояние – отдельная группа подданных, юридическим положением каким-либо определенным образом отличающаяся от остального населения, причем отличия эти передаются по наследству. Изредка, впрочем, в законе и в этом смысле тоже употребляется термин сословие». Статичная модель общества отображена и в трудах исследователей из Священной Римской империи, где постепенно получает преимущество немецкий язык³⁹. В 1488 г. эльзасский монах И. Лихтенбергер (Johannes Lichtenberger), придворный астролог Фредерика III, издал в Гейдельберге книгу «Предсказание» (Prognosticatio), с ярко выраженным энциклопедическим характером. Работа посвящена прогнозированию политических событий и содержит большое количество математических и геометрических расчетов, подробные экскурсы в историю, обширные алхимические сведения, моральные наставления для дворянского сословия и объемную апологию астрологии. Вскоре труд перевели с латинского на немецкий и уже к 1600 г. его переиздавали около 60 раз крупными тиражами. Издание содержало большое количество привлекательных гравюр-иллюстраций, что также способствовало популярности. Представление о структуре общества, как состоянии (Stand) граждан трех сословий отображено на отдельной гравюре и подробно аргументировано на нескольких страницах: согласно наставлениям Христа первое состояние произносит священную молитву, второе предназначено для защиты и третье для повседневного труда⁴⁰. В 1495 г. между императором Максимилианом I, Священным престолом и городскими сословиями империи было достигнуто соглашение об учреждении рейхстага, (Reichstag) как высшего представительного органа имперских состояний (сословий). В Рейхстаг входили три палаты

³⁹ Н. Лазаревский. Сословия. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – СПб.: Брокгауз-Ефрон. 1890 – 1907.

⁴⁰ Gerd Mentgen: Astrologie und Öffentlichkeit im Mittelalter. Stuttgart, 2005 (Monographien zur Geschichte des Mittelalters), S. 227-235.

– в двух первых заседали представители аристократии и духовенства, в третьей, которая получила название «Reichsstädtekollegium или Reichsstädterat» – представители городов. Законодательная деятельность рейхстага выражалась в издании разрозненных предписаний – имперских полицейских регламентов – «Reichspolizeiordnungen». Эти документы в основном регулировали деятельность третьего имперского сословия «Reichsständen», разворачивающуюся в свободных «Freie Stadt» и имперских городах «Reichsstadt» и, попадающих под их влияние регионах, что территориально совпадает с княжествами. Это полностью соответствует современному пониманию государства, объединением (союзом) которых и была Священная Римская империя. Можно сказать, что такое представление о федеративном политическом устройстве Германии сохранилось до наших дней.

Среди немецких авторов в числе первых отождествил внутреннюю общественную структуру княжеств как состояния граждан и империи как состояния (союза) княжеств Ф. Л. фон Зекендорф (Veit Ludwig von Seckendorff) в книге «Тевтонское княжеское государство» (Teutscher Fürstenstaat, 1655). И в этой, и в другой его работе – «Христианское государство» (Der Christenstaat, 1685), отражена сформировавшаяся реформаторская концепция власти. Светская власть установлена Богом для наказания злых и защиты благочестивых. Никому, кроме немецких князей, Бог не может доверить право заботиться о подданных королевств, поэтому именно они в ответе перед божественной властью за существование справедливо устроенного общественного порядка в Священной римской империи германской нации. Эта забота подобна заботе отца о семействе. Патрон должен обеспечить не только сохранение мира, благосостояния и общественного порядка на вверенной ему территории, но и побеспокоиться о здоровье, нравственном и культурном развитии подданных. Таким образом, инициатива производства общественных благ – хозяйственное и культурное саморазвитие граждан-горожан (Polizeistädte), ранее принадлежавшая самой городской публике, постепенно подчиняется централизованной воле, медленно унифицируясь и стандартизируясь.

Функционирование достаточно сложного механизма города-общины, охраняющего жизнь, здоровье, имущество и общественный порядок посредством сложных внутренних взаимодействий между цехами, гильдиями и церковными приходами, реализуя стремление каждого отдельного жителя к благосостоянию через его же участие, охарактеризовано лидером Реформации М. Лютером как «guter Polizei». В своей работе «К христианскому дворянству немецкой нации об улучшении христианского состояния» (1520) М. Лютер излагает идею нового справедливого порядка для независимых немецких земель. «Нет в христианстве власти иной, как только к улучшению. Бог дал нам власть не ухудшать, но улучшать христианство. В христианстве должно быть следующее устройство: каждый город

выбирает из общины просвещенного благочестивого горожанина, поручает ему должность приходского священника и дает содержание от общины, чтобы он проповедью и совершением Таинств помогал управлять прихожанами и общиной. Звание приходского священника установлено Богом и предназначено для управления общиной посредством проповеди. При ней священник должен обитать и иметь свое земное хозяйство. Земские суды и обычное право должны быть предпочтены имперскому общему праву. И да будет воля Господня на то, чтобы каждая область, сообразно своему образу жизни и занятиям, управлялась собственным кратким правом, как она управлялась раньше. Обширные обстоятельные законы служат только обременению людей и скорее препятствуют, чем способствуют справедливости. Разумные светские правители дают общине достаточно права, чтобы вершить дела мирские. Неужели нет между нами ни одного разумного, кто мог бы рассудить ближних своих». Кроме общинных дел в пределах заповедей христианин должен содействовать и светской власти. М. Лютер пишет: «Поэтому, если ты увидишь, что не хватает палача, судебного исправника, судьи, господина или князя, и ты считаешь себя для этого достаточно способным, ты должен просить об этом месте, чтобы необходимая власть (правительства) не была презираема, слаба и не погибла. Потому что мир не может без этого обойтись. Мы христиане и каждый из нас обязан помогать другому. Мы имеем власть перед Богом и миром, оставить и допустить ее во имя единства. Ибо Христос говорит: «Где двое объединятся на земле, там Я среди них. Если будет на то воля Божья, мы с обеих сторон будем содействовать этому, с обеих сторон протянутся руки с братским смирением, и мы утвердимся не на своей силе или праве; любовь важней и необходимей, чем римское папство, в котором нет любви, так же как и любовь возможна без папства». Самоуправление германского народа – главный идеал, пропагандируемый реформистской церковью, и этот идеал способствовал преобразованию не только самой Германии, но и Европы в целом. Согласно воззрениям М. Лютера, образцом для политического устройства нового немецкого общества должна служить структура общин в апостольское время. «Во славу Бога, в помощь ближнему» – вот наиболее полный и всесторонний религиозно-нравственный идеал будущей жизни в соответствии с первоисточниками христианства. И сегодня это выражение, взятое из общественного дискурса того далекого времени можно встретить в Германии начертанным на зданиях депо добровольной пожарной охраны. По мнению М. Вебера лютеранская концепция протестантской трудовой этики, обусловившей трудовое рвение и рациональную организацию работы в таких наиболее динамично развивавшихся странах как Голландия, Англия, США послужила поворотным моментом в зарождении капиталистического предпринимательства и определила дух нового времени⁴¹. Однако, кроме традиций

⁴¹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения / Ю. Н. Давыдов,

предпринимательства протестантская проповедь также заложила основы современного гражданского общества, воспитав у прихожан культуру самоуправления и сотрудничества. По мнению В. Дильтея Реформация сыграла основополагающую роль в формировании современной немецкой государственности и европейской культуры, определив общину носителем социального действия политической организации общества. «Внутренний человек», невидимость религиозного процесса в нем, его свобода не содержат в себе отношения власти и послушания в церковном целом: только политический союз делает возможной организацию социального действия. Сфера дел веры – мирское общество и его устройство. Этим положением достигнуто полное прекращение какого-либо социального действия церкви. Это является одной из величайших организационных идей когда-либо зарождавшихся у человека. Вместо рангов трех состояний, устанавливаемых по рождению, появляется христианское и светское общество – апостольское общество верующих и светские традиции в отношениях между членами гражданского общества. Дело молитвы, защиты и труда выполняется всеми вместе и каждым по отдельности только тогда, когда каждый занят своим делом⁴². Своеобразной рецепцией модернистского проекта М. Лютера по преобразованию общества стала германская политическая наука (Polizeywissenschaft), заложенная изысканиями фон Зекендорфа, изначально ориентированная на общее дело усовершенствования национального федеративного государства подобного «экономическому товариществу на паях», которое призвано заботиться о повышении численности населения и его благополучии.

Наш кросс-культурный обзор особенностей динамики развития восприятия понятий «социума» и «политики», «государства» и «общества» носит, конечно же, весьма беглый и условный характер, однако он позволяет выделить между ними частичную идентичность по отношению к обществу как к некоторой совокупности индивидов, объединенных совместной целью по достижению определенного уровня удовлетворения широкого спектра потребностей. Одновременно указание на действие или взаимодействие, их последовательность или специфицированный порядок присутствует только в определении «политики», что в свою очередь, позволяет толковать словосочетание «социальная политика» в расширенном ракурсе. Несмотря на то, что со времен «железного занавеса» прошло более двадцати лет на постсоветском пространстве до сих пор чувствуется дефицит информации, позволяющей демифологизировать штампы и воззрения, обусловленные доминирующими в прошлом монопольными теоретическими доктринами. Такое

сост., ред., послесл., П. П. Гайденко, предисл. – М., 1990. С. 44–307.

⁴² Дильтей, В. Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации / Академия исследований культуры; пер. с нем. М. И. Левина. – М.: Иерусалим: Университетская книга, Мосты культуры / Гешарим, 2000. – (Книга света).

инерционное мироощущение накладывается на расширенный экспорт западных институтов, который, в свою очередь, сопровождается постоянно отстающей от практики фрагментарной рецепцией теоретических построений усложненных языковыми, понятийными и этимологическими различиями. Для устранения этого диссонанса необходим дальнейший критический анализ понятийно-категориальной базы. Мы предполагаем, что именно поэтому на постсоветском пространстве большинство теоретиков и практиков под «социальной политикой» подразумевают политику, проводимую правительством («государственную социальную политику») в области социального обеспечения – централизованного распределения ресурсов из средств, предусмотренных в государственном бюджете с целью выравнивания социального положения отдельных индивидов и групп по сравнению с остальными членами общества. Также к социальной политике относят комплекс мероприятий по обеспечению бесплатного (льготного) доступа к иным материальным и нематериальным ресурсам, которые находятся в ведении правительства, в том числе и все процедуры, связанные с производством и управлением общественными благами. Кроме правительства, субъектами социальной политики могут выступать и надгосударственные образования (в этом случае говорят о надгосударственной социальной политике), отдельные административные образования (местная или региональная социальная политика), а также отдельные общественные и коммерческие организации (внутренняя социальная политика).

Следовательно, субъектами социальной политики государства могут выступать только институты или организации, которые принимают участие или непосредственно влияют на разработку социальной политики правительства – в первую очередь, законодательная и исполнительная власть всех уровней, хорошо представленный в них крупный бизнес, в меньшей степени – профсоюзные и иные общественные организации.

Мы считаем, что подобная точка зрения только частично отражает взаимоотношения, ежедневно происходящие в обществе, искусственно ограничивая поле для анализа и научной экспертизы причинно-следственных связей в области решения социальных проблем. Социальная политика не может быть сведена к части правительственной деятельности с целью профилактики социальных волнений, это сложная система разнообразных мероприятий, осуществляемых гражданами, состоящими как в иерархических, так и сетевых коалициях и направленных на выявление, согласование, удовлетворение интересов отдельных индивидов и социальных групп.

Прежде всего, субъектами социальной политики выступают отдельные граждане, деятельность которых направлена на достижение благосостояния и стабильности для семей, основанных на аффективных и эмоциональных связях. Формирование социальной политики является результатом взаимодействия социальных подсистем в виде целенаправленной

деятельности совокупности индивидов, проживающих на определенной территории и состоящих в разнородных социальных связях среди которых основополагающими являются отношения по поводу распоряжения ресурсами в сфере производства, распределения, обмена и потребления, вызванные необходимостью поддержания физической жизнедеятельности. Стремление к достижению определенного уровня благосостояния, а позже и сохранение стабильных условий в максимально обозримом будущем, является главным мотивом, обеспечивающим сотрудничество по установлению социального порядка. Согласование многообразия духовных и материальных потребностей происходит в рамках различных специализированных организаций. Состоящие в различных социальных структурах индивиды по отношению к ним могут выступать как объектом, так и субъектом управления. Таким образом, правительство является всего лишь отдельным субъектом социальной политики, которому граждане с целью установления социального порядка, делегировали часть принадлежащих им компетенций, частично ограничив свои возможности обязательствами выполнения свода правил и платежей в виде налогообложения. В свою очередь, разработка и реализация правительственной (государственной) социальной политики постоянно сопровождается необходимостью установления приоритетов в определении наиболее важных социальных задач, требующих первоочередного решения, прямо указывая на то, что централизованное перераспределение ресурсов не может быть единственным удовлетворительным вариантом установления социального порядка. Одновременно необходимо помнить, что использование централизованного способа перераспределения ресурсов во многом вызвано к жизни несовершенством рыночного обмена. Существование такого дуализма изъянов, присущих этим двум почти противоположным сторонам организации человеческой деятельности, изначально предопределенных их естественными качествами, позволяет выделить некоторую совокупность социального спроса, удовлетворяемого третьим альтернативным способом. Интуитивно понятно, что этот третий способ используется параллельно с первыми двумя, компенсируя их недостатки. Его естественный ареал распространения ограничен функциями, реализуемыми посредством рынка или централизованного перераспределения. Таким образом, жизнеспособность третьего способа производства общественных благ зависит только от субъектов, генерирующих спрос на него, которые должны одновременно выступить и организаторами и исполнителями, иными словами – самоорганизоваться. В данном контексте самоорганизацию следует понимать как совокупность динамических процессов, которые в результате кооперативного взаимодействия элементов одного уровня приводят к упорядочиванию состояния за счет внутренних факторов, путем образования более эффективной структуры высшего уровня, обладающей новыми качествами.